

УДК 82:1+830(091)+82-1/-9

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-6

Ольхова Н. А.

Жанр, стиль, синтаксис: к диалогическим особенностям немецких эстетико-философских текстов XVIII в.

Благовещенский государственный педагогический университет, ул. Ленина, д. 104, г. Благовещенск, Амурская обл., 675004, Российская Федерация, constanz05@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена становлению эстетико-философских текстов в эпоху немецкого Просвещения: на примере прозы Х. Вольфа, И. Винкельмана, Г.Э. Лессинга, И.Г. Гердера рассматриваются свойственные им жанровые и синтактико-стилистические характеристики. Уточняется разговорная, практическая определенность и диалогическая нормативность вновь возникавшей тогда немецкой философской речи, в которой тон задавали просветительские речевые жанры. Обосновывается, что тексты Х. Вольфа отличала новая, имплицитно диалогическая стабильность философской терминологии (например, равномерный ритм предложений). Эти тексты были свободны от нагромождений синтаксических конструкций; как показывает исследование, Вольф полагался, в основном, на паратаксис; одно высказывание ведет к следующему и каждое рассматривается в отдельности как нечто цельное, в единстве «достойного восхищения стиля рационалистической философии». Показывается, затем, корреляция созерцательной стилистики И. Винкельмана, сторонника «благородной простоты и спокойного величия», с установкой Г.Э. Лессинга на правдивую речь, активную и диалогически действенную. В заключение статьи намечается перспектива междисциплинарного исследования немецких эстетико-философских текстов XVIII в. («диалогизированных», как показывает анализ) как некой историчной жанровой реальности в своем собственно философском речевом генезисе.

Ключевые слова: эстетико-философский текст; диалогическая нормативность; жанр; стиль; композиция; синтаксис

Для цитирования: Ольхова Н.А. Жанр, стиль, синтаксис: к диалогическим особенностям немецких эстетико-философских текстов XVIII в. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 4. С. 65-71. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-6

N. A. Olkhova

Genre, style, syntax: towards the dialogical features of German aesthetic and philosophical texts of the 18th century

Blagoveshchensk State Pedagogical University, 104 Lenin St., Blagoveshchensk, Amur region, 675004, Russian Federation, constanz05@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the formation of aesthetic and philosophical texts in the era of the German Enlightenment: on the example of prose by H. Wolf, I. Winckelmann, G.E. Lessing, and I.G. Herder, the genre, syntactic and stylistic characteristics inherent in them are considered. The conversational, practical certainty and dialogical normativity of the then newly emerging German philosophical speech, in which the tone was set by educational speech genres, is clarified. It is substantiated that the texts

of Chr. Wolf were distinguished by a new, implicitly dialogical stability of philosophical terminology (for example, the uniform rhythm of sentences). These texts were free from clutter of syntactic structures; as research shows, Wolf relied mainly on parataxis; one statement leads to the next and each is considered separately as something whole, in the unity of “the admirable style of rationalistic philosophy.” It then shows the correlation between the contemplative style of I. Winckelmann, a supporter of “noble simplicity and calm grandeur,” with the attitude of G.E. Lessing on truthful speech, active and dialogically effective. In conclusion, the article outlines the prospect of an interdisciplinary study of German aesthetic and philosophical texts of the 18th century (“dialogized”, as the analysis shows) texts as a kind of historical genre reality in its own philosophical speech genesis.

Keywords: aesthetic and philosophical text; dialogical normativity; genre; style; composition; syntax

For citation: Olkhova N. A. (2023) “Genre, style, syntax: towards the dialogical features of German aesthetic and philosophical texts of the 18th century”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (4), 65-71, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-6

Размышляя о тех переменах, которые стали возможны в немецком философском мышлении «на путеводной нити языка» (Х.-Г. Гадамер), полезно обратиться к тем временам, когда это мышление явилось в своем творческом речевом генезисе – в Германии XVIII столетия, «стране философов и поэтов», интенсивно переустраивавшей стиль и синтаксис философской речи (Асмус, 1962; Жирмунский, 1977; Blackall, 1966; Langen, 1952). Распространенными в то время становятся тексты определенного разговорного типа, в которых очевидны тона Просвещения, с его стремлением высказываться частным образом по вопросам предельного жизненного характера, *urbi et orbi* (Brummack, 1989: 277-293; Fick, 2010; Herder Jahrbuch, 2012; Jung, 2010; Schirokauer, 1952: 1013-1076; Stockhorst, 2011). Возникающая диалогическая нормативность немецкой философской литературы имела преимущественно практический вид, определяясь по мере своей деятельной самоидентификации, и, стало быть, нуждается в своего рода междисциплинарном исследовании, прежде всего, через синтактико-стилистический (или, следуя меткому оксюморонному слову М.М. Бахтина, –

«стилистико-грамматический») анализ образцов немецкой философской речи XVIII столетия, речевые свидетельства высказывающихся о стремлении к самопознанию и познанию мира (Жирмунский, 1977: 172), когда характерным становится «обращенное слово». Особенно проникнутой таким героико-диалогическим началом, соблюдаемым с лингвистической, гармонической обстоятельностью, стали эстетико-философские сочинения (Жирмунский, 1977: 172), в которых «тон задают» (Бахтин, 1986: 256) именно речевые жанры.

Перестройка всей познавательной сферы жизни общества, просветительские и воспитательные цели немецких мыслителей, обращавшихся через все более многочисленную печатную продукцию к различным слоям населения, открывали простор для поиска новых, соответствующих эпохе Просвещения, языковых правил. Еще в начале XVIII века немецкую письменную речь отличала академичность, но и тогда она уже ничего не имела общего с тяжеловесностью языка периода барокко. В работах Т.И. Сильман и Х. Хафена, посвященных изучению научной прозы того времени, на множестве примеров показывается

общее, свойственное просветителям, стремление выразить свою мысль четко, последовательно, ясно, и при этом отмечается, что стилистическое и структурное своеобразие произведений каждого конкретного писателя обусловлено его отношением к взаимодействию явлений действительности, а также способом охвата и интерпретации им окружающего мира (Сильман, 1967; Hafen, 1952). Во всяком случае, на передний план выдвигалось требование всесторонней ясности, совершенствования естественного языка, речевого размыкания латинской сферы научного (в том числе и философского) общения в пользу естественных, эмпирически посюсторонних национальных языков, которые придавали этому общению новую определенность (Семенюк, 1984: 174-231).

На мой взгляд, весьма показательны в этом отношении примеры Х. Вольфа, И. Винкельмана и Г.-Э. Лессинга, речь которых особенно замечается и характеризуется их современниками.

Х. Вольф стремился изъясняться на чистом немецком языке, желая быть понятым как можно более широкой, даже необразованной публикой, впрочем, не потакавая ей, а вовлекая ее в область возвышенного опыта вновь создаваемой, ясной немецкой речи. Характерно рассуждение Х. Вольфа о сущности скромности как добродетели, которое приводит Э. Блэк: «Wer sich nicht ueber andere erhebet, sondern einem jeden so viel Ehre giebet, als ihm gebuehret; der ist bescheiden. Und also ist die Bescheidenheit eine Tugend jedermann seine gebuehrende Ehre zu geben» (Blackall, 1966:32) («Кто не возвышает себя над другими, а оказывает каждому столько чести, сколько ему подобает, тот скромен. И, таким образом, скромность есть добродетель оказывать каждому надлежащую честь». – перевод немецких текстов, кроме специально оговоренных, здесь и ниже мой. – Н.О.). Впрочем, Блэк уточняет речевую характерность Х. Вольфа, обращаясь и к контекстам немецкой классической философии, – Им. Канту, утверждавшему, что именно

Вольф внес «основательность» («Gruendlichkeit») в немецкое мышление, или Гегелю, который также признавал вклад Вольфа в «образование ума» («Verstandesbildung») немцев. Это именно эстетическое, чувствительное к речи образование ума: «Er ist es erst, welcher nicht gerade die Philosophie, aber den Gedanken in der Form des Gedankens zum allgemeinen Eigenthum gemacht und ihn an die Stelle des Sprechens aus dem Gefuehl, aus dem sinnlichen Wahrnehmen und in der Vorstellung in Deutschland gesetzt hat» («Он – это именно тот, кто даже не философию, а мысль в форме мысли сделал общим немецким достоянием и заменил ею, оформленной в речевом образе, чувственный разговор») (Blackall, 1966: 34).

Тексты Х. Вольфа, стилистически повлиявшие на всю современную ему немецкую философскую речь, отличала новая, имплицитно диалогическая стабильность философской терминологии: чрезвычайно равномерен ритм предложений; почти каждое из них начинается с придаточной части, в которой содержится основа для вывода. Высказывания Вольфа свободны от нагромождений синтаксических конструкций, автор полагается, в основном, на паратаксис; одно высказывание ведет к следующему, и каждое рассматривается в отдельности как нечто цельное. Никакой двусмысленности; ничто не остается сомнительным, ничто не отдается на волю случая, нет места речевой невнятности – «достойный восхищения стиль рационалистической философии», предупредительный по отношению к читателю и, впрочем, довольно высокомерный, холодный, монотонный, как в плане словоупотребления, так и в ритме (Blackall, 1966: 32), – далекий от того, чтобы угодить читателю, но вполне сплывающий автора с читателем по мере поиска той истины, которая предельным образом проясняет речь и делает возможным общение.

Говоря о синтаксических особенностях философских и эстетических произведе-

дений XVIII в., В.Г. Адмони отмечает увеличение емкости элементарного предложения, четкое размежевание сложносочиненного и сложноподчиненного, активное применение распространенных определений и оборотов, обособлений, инверсий, эллипсисов (Адмони, 1963). Просветители выступали против скопления глаголов в конце предложения, рекомендовали ставить сказуемое как можно ближе к субъекту, так как в противном случае смысл высказывания терял ясность. Э. Блэкл уместно уточняет, что в этот период ведущие позиции завоевывал стиль «анти-цицеронизма» («цицеронианским» идеалом строя предложений был тщательно выверенный, пропорциональный период, отдельные части которого связаны между собой интегрирующими *particulae*). Предложения стали стремиться к естественному сочетанию на основе их деятельно-смыслового соединения, а не только грамматически, эстетически-формально (Blackall, 1966: 124).

Стилистическое и синтаксическое начала связывались и пульсировали во вновь возникавшей философской речи И. Винкельмана, сторонника «благородной простоты и спокойного величия», и Г.Э. Лессинга, отдававшего предпочтение правдивой речи, активной и диалогически действенной. И.-Г. Гердер характеризовал эту «гармоническую пару» немецких мыслителей с замечательной интерпретативной точностью: стиль Винкельмана – возвышенный и статичный, это стиль, в котором мало движения и мало глаголов, но зато много существительных (особенно абстрактных), а также тяжеловесных частиц и конструкций (Blackall, 1966: 282-283). Стиль же Лессинга – полемичный, живой, легкий, тексты его отличаются динамичностью, подвижностью («*Bewegtheit*»), они насыщены глаголами и местоимениями, союзами и союзными словами (Hafen, 1952). Согласно Гердеру, сравнившему тексты Винкельмана с произведениями древних, мысль Винкельмана, отточенная в деталях, законченная, благородная, величественная, предстает перед читателем как Минерва из

головы Юпитера – «*Geworden sey er*» (*der Gedanke*) (Herder, 1806: 25). Произведения же Лессинга не сделаны, а делаются на глазах читателя («*wir sehen sein Werk werdend*»), возникают перед ним как щит Ахилла у Гомера (Herder, 1806: 26). «Он как бы делает зримыми для нашего взора основания всякой своей мысли, заставляя нас вместе с ним то разлагать ее на части, то воссоединять; и вот пружина напряглась, колесо завертелось, одна мысль, одно умо-заключение порождает другое, близится вывод – и перед нами общий итог рассмотрения». (перевод Т.И. Сильман: (Сильман, 1967: 46)).

Что касается языка самого И.Г. Гердера, то здесь ясность достигается особым образом – на ассоциативной основе, при отсутствии строгой логической последовательности в передаче мысли и вместе с тем – при последовательной ярко стилистической передаче разного рода аффектов, внутренних душевных движений. Соответственно в синтаксисе широко представлены незавершенные, эллиптические, эмоционально насыщенные предложения разговорного типа. А. Широкауэр с аналитической меткостью пишет о том, что предложение у Гердера создается, складывается в процессе речи – «*Herders Satz ist werdend*» (Schirokauer, 1952: 1254). Но в отличие от произведений Лессинга, возникающих, «становящихся» на наших глазах, но вполне законченных и цельных, многие тексты Гердера не носят завершенного характера, не содержат вытекающего из изложения вывода; он часто прибегает к намекам, лишь освещает идеи, но не «исчерпывает» их. По образному выражению Р. Гайма, заметки Гердера «похожи не столько на описанный Гомером щит Ахилла, сколько на работу Пенелопы, которая ткала только для того, чтоб распускать сотканное и снова приниматься за ткань». Перед нами точно будто катящееся колесо, которое упадет на бок, если его не будут постоянно подталкивать» (Гайм, 1888: 149). Стиль Гердера, взволнованный, торопли-

вый, – стиль человека, считающего спонтанность одним из главных требований к писателю, – этот стиль, который, однако, нельзя назвать небрежным, отражает тип гердеровского мышления («Denkungsart») (Blackall, 1966: 346-347). Говоря о «порывистом» характере развития мысли Гердера, Э. Блэккл отмечает, что писатель, как бы разговаривая сам с собой, думая вслух, то продвигаясь вперед, то возвращаясь, все же направляет свою мысль по намеченному пути. За кажущимся «круговым движением» («Kreisbewegung») высказываний всегда скрывается устремленность его мысли вперед («Drang nach vorwaerts») (Blackall, 1966: 347).

Отдельно стоит отметить еще и то, что принципы композиционного построения текстов – последовательно, активно речевых форм немецкой жизни – здесь имеют свои особенности.

Письменную речь Лессинга отличает тематическая, коммуникативная, семантико-синтаксическая целостность и композиционная стройность. Абзацное членение его текстов отражает логичное, последовательное развитие содержания. Это подчеркивает широкая распространенность в текстах коротких абзацев, состоящих из двух предложений. Такие абзацы нередко следуют один за другим, придавая динамичность изложению. Они служат для выделения особо важных мыслей, при этом автор охотно использует антитезу. Перечтем, для примера, фрагмент из «Лаокона»:

«Doch ich gerathe aus meinem Wege. Ich wollte blos festsetzen, dass bei den Alten die Schoenheit das hoechste Gesetz der bildenden Kuenste gewesen sei.

Muth und Verzweiflung schaendete keines von ihren Werken. Ich darf behaupten, dass sie nie eine Furie gebildet haben.

Zorn setzten sie auf Ernst herab. Bei dem Dichter war es der zornige Jupiter, welcher den Blitz schleuderte, bei dem Kuenstler nur der erste» (Lessing, 1792:27-28).

(Перевожу подстрочно: «Однако я отклоняюсь от темы. Я хотел лишь установить факт, что красота у древних была высшим законом изобразительного искусства.

Мужество и отчаяние не покрыли позором ни одно из их произведений. Я позволю себе утверждать, что они ни разу не создали ни одной фурии.

Гнев они принизили до серьезности. У поэта это гневный Юпитер, мечущий молнии, у художника – только первый»).

Напротив, членение многих текстов Гердера, в известной степени отступившего от «рационалистических» идеалов Просвещения, прихотливо, «скачкообразно». Он то начинает изложение темы, то, не завершив ее, переходит к новой. Абзацы в его текстах часто не являются звеньями в цепи рассуждений, их выделение обусловлено скорее не логикой, а настроением, эмоциональным состоянием автора. Данные тексты – пример иного, чем у Лессинга, стиля, также складывавшегося в рассматриваемую эпоху. Представители его (штюрмеры) обращались в своих сочинениях не только к уму читателей, но и к их чувствам: активно выражая свои собственные чувства и эмоции, они стремились вызвать и в читателях соответствующую ответную реакцию. Это сказывалось и на композиционном построении произведений, и даже на их графическом оформлении. Так, тексты Гердера характеризуются гипертрофированным употреблением пунктуации как внутри абзацев, так и на их нижних границах. А. Широкауэр называет характер стиля Гердера, который отражается на графическом оформлении его текстов, «музыкально-монологическим» (Schirokauer, 1952: 1253). Например, абзац из «Первого леска», в котором речь идет о сравнении Лессинга и Винкельмана:

«So duerfen beide seyn: und wie verschieden! wie vortrefflich bei dem Unterschiede! Weg also mit der Brille, durch die man von einem zum andern schielen will, um durch Kontrast zu loben! Wer Lessing und

Winkelmann nicht lesen kann, wie jeder derselben ist, der soll keinen von beiden, der soll sich selbst lesen! - - » (Herder, 1806: 27)

(«Вот такие они оба: и такие разные! Такие совершенные в своем различии! Прочь очки, через которые кто-то желает переводить взгляд с одного на другого, чтобы похвалить, подчеркнув (обнаружив) контраст! Кто не в состоянии читать Лессинга и Винкельмана, тот не должен читать ни одного из них, тот должен читать самого себя! - - »

Коротко говоря, стремление просветителей не только вводить читателя в круг проблем, но и убеждать, заинтересовывать, привлекать на свою сторону, вызывать определенные чувства, обусловило формирование своеобразного «стиля убеждения» (Э. Блэкл) и соответствующих ему синтаксических форм. По мере исследований самого разного дисциплинарного профиля все яснее становится необходимость трактовать особый тип «диалогизированных» текстов как некой историчной жанровой реальности. Эти тексты содержат прямое обращение к собеседнику, рассчитаны на его ответную реакцию, характеризуются разговорностью языка, продуманным и целенаправленным композиционным построением произведений. Мы располагаем обширной мозаикой разнодисциплинарных исследований этих текстов; на мой взгляд, пришла пора исследовать всесторонне жанровое единство, формы сплочения этой речевой мозаики; за рассмотрением особенностей немецких эстетико-философских текстов XVIII в. вполне может последовать анализ их конкретно-речевого диалогизма, интонационно-смысловой полноты и, в целом, жанровой взаимности.

Литература

Адмони, В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 335 с.

Асмус, В.Ф. Немецкая эстетика XVIII в. М.: Искусство, 1962. 311 с.

Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

Гайм, Р. Гердер, его жизнь и сочинения / пер. с нем. В.Н. Неведомский. М.: К. Т. Солдатенков, 1888. Т. 1. Ч. 1. 849 с.

Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: Избранные труды. Л.: Наука, 1977. 404 с.

Семенюк, Н.Н. Развитие немецкого литературного языка в эпоху Просвещения // История немецкого литературного языка XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1984. С. 174-231.

Сильман, Т.И. Проблемы синтаксической стилистики: (На материале немецкой прозы). Л.: Просвещение, 1967. 151 с.

Blackall, Eric A. Die Entwicklung des Deutschen zur Literatursprache, 1700-1775. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1966. 523 S.

Brummack, J. Herders Polemik gegen die „Aufklärung“ // Jochen Schmidt (Hrsg.): Aufklärung und Gegenklärung in der europäischen Literatur, Philosophie und Politik von der Antike bis zur Gegenwart. Verlag: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1989. S. 277-293.

Fick, M. Lessing-Handbuch: Leben-Werk-Wirkung (Taschenbuch). Verlag: Metzler; Stuttgart-Weimar. Auflage: 3. 2010. 602 S.

Hafen, H. Studien zur Geschichte der deutschen Prosa im 18. Jahrhundert. St. Gallen: Weinholt, 1952. 94 S.

Herder, J. G. von. Erstes Waeldchen. Lessings Laokoon gewidmet // Johann Gottfried Herders Kritische Waelder. Tuebingen, 1806. Bd. IV. XVIII, 262 S.

Herder Jahrbuch XI/2012. Hrsg. Von Rainer Godel und Karl Menges. 2012. 250 S.

Jung, W. Gotthold Ephraim Lessing. UTB Profile. Auflage: 1. Stuttgart, 2010. 112 S.

Langen, A. Deutsche Sprachgeschichte vom Barock bis zur Gegenwart // Deutsche Philologie im Aufriss. Berlin, 1952. Bd. 1. S. 1077-1522.

Lessing, G. E. Laokoon oder ueber die Grenzen der Malerei und Poesie // Gotthold Ephraim Lessings Saemmtliche Schriften. Bd. 1-30. Berlin: Voss, 1792. Bd. 9. IV, 410 S.

Schirokauer, A. Fruehneuhochdeutsch // Deutsche Philologie im Aufriss / Hrsg. von W. Stammer. Berlin Bielefeld, 1952. B. 1. S. 1013-1076.

Stockhorst, S. Einfuehrung in das Werk Gotthold Ephraim Lessings (Taschenbuch). Verlag: Wissenschaftliche Buchgesellschaft (WBG); Auflage: 1. 2011. 144 S.

References

Admoni, V. G. (1963), *Istoricheskii sintaxis nemetskogo yazyka* [Historical syntax of the German language], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Asmus, V. F. (1962), *Nemetskaya estetika 18 v.* [German aesthetics of the 18th century], Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Iskusstvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Blackall, E. A. (1966), *The development of German as a literary language, 1700-1775*, J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, Stuttgart (in German).

Brummack, J. (1989), “Herder's polemic against the ‘Enlightenment’”, *Enlightenment and Counter-Enlightenment in European literature, philosophy and politics from antiquity to the present*, J. Schmidt (ed.), Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 277-293. (in German).

Fick, M. (2010), *Lessing Handbook: Life-Work-Effect (paperback)*, 3rd ed., Metzler, Stuttgart-Weimar. (in German).

Hafen, H. (1952), *Studies on the history of German prose in the 18th century*, Weinhold, St. Gallen. (in German).

Haym, R. (1888). Herder, ego zhizn' i sochineniya [Herder, his life and writings], translated from German by Nevedomsky, V. N., K. T. Soldatenkov's printing house, Moscow, Russia (in Russ.).

Herder, J. G. von. (1806), “First Woodland. Dedicated to Lessing's Laocoon”, *Johann Gottfried Herders Kritische Waelder*, Tuebingen, IV, XVIII (in German).

Herder yearbook XI/2012. (2012), Rainer, Godel and Karl Menges (ed.) (in German).

Jung, W. (2010), *Gotthold Ephraim Lessing*, UTB Profile, Stuttgart (in German).

Langen, A. (1952), “German language history from the Baroque to the present”, *Deutsche Philologie im Aufriss*, Berlin, 1, 1077-1522 (in German).

Lessing, G. E. (1792), “Laocoon or beyond the boundaries of painting and poetry”, *Gotthold Ephraim Lessing's complete writings in 30*

volumes, Voss, Berlin, 9, IV (in German).

Semenyuk, N. N. (1984), “Development of the German literary language in the era of Enlightenment”, *Istiria nemetskogo literaturnogo yazyka 16–18 vv.* [History of the German literary language of the 16th-18th centuries], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Schirokauer, A. (1952), “Early New High German”, *Deutsche Philologie im Aufriss*, Hrsg. von W. Stammer, Berlin-Bielefeld, 1, 1013-1076 (in German).

Silman, T. I. (1967), Problemy sintaksicheskoy stilistiki (Na materiale nemetskoy prozy) [Problems of syntactic stylistics: (Based on the material of German prose), Education, Leningrad, Russia (in Russ.).

Stockhorst, S. (2011), *Introduction to the work of Gotthold Ephraim Lessing (paperback)*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft (WBG), (in German).

Zhirmunsky, V. M. (1977), *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of literature. Poetics. Stylistics:], Nauka, Leningrad, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Ольхова Нина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских и восточных языков, Благовещенский государственный педагогический университет, ул. Ленина, д. 104, г. Благовещенск, Амурская обл., 675004, Российская Федерация, *constanz05@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Nina A. Olkhova, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Romano-Germanic and Oriental Languages, Blagoveshchensk State Pedagogical University, 104 Lenin St., Blagoveshchensk, Amur region, 675004, Russian Federation; *constanz05@mail.ru*